

Героическая баллада

Есть минуты, равные веку.
Есть года, что не стоят и дня.
Настоящему человеку
Лишь такие минуты — родня.
Вот такие — уйдут в бесконечность,

Но не смоят их время-река.
Вот такие — живущие вечно,
Что спасают мир и века.
Вот такие минуты решают
Путь борьбы, что не прям и не скор,

Горы грозные в прах сокрушают
И вздымают моря до гор.
И в боях приводят к победе
Вот такие минуты нас...
Я об этом хочу поведать
Свой невыдуманный рассказ.

Кровью меченый, вероломный,
С черной свастикой клятый враг
В вихре стали, огня и грома
В нашу землю врубал свой шаг.
И дымилась земля до неба,
И вскипала до самых глубин.
И сердца влокотали от гнева,
Боли, ненависти и любви.
Как могучие львы-исполины,
Встали мы за Отчизну свою.
Беспощадною мезтью палимы
В справедливом, святом бою.
Жаркий бой — неотступный,
бессонный —

Развернулся на тысячи верст.
В тучах дыма тонULO солнце,
И ночами не было звезд.
Жаркий бой. Раскаленный
август.

Враг свиреп, хитер и силен.
Сталь о сталь, против ярости — ярость

Поднималась с обеих сторон.
Вражье сдерживая наступленье,
Смерчу огненному вопреки,
Полк Чапаева вел сраженье
У кипящей свинцом реки.
В щепки — мост, и ко дну —

понтонны,
А река, как степь, широка.
— До последнего биться

патрона,
Но прорвем окруженье врага!
И орудия с новой силой
Изрыгали огонь, гремя.
И врагу растлалась могилой —

Смертью вспаханная земля.
На грозу грозой отвечая,
Накалялись стволы — не тронь.
Но кричал Александр Чапаев:
— По фашистам огонь! Огонь!
Бушевала земля до неба,
А враги шли вперед и вперед.
И казалось — числа им не было,
И погибель их не берет.
Шли безудержно непрерывно,
Шли свирепо — за валом вал,
Шли под нашим железным
ливнем.

За полком новый полк вставал.
— По фашистам!..

И как виденье,
Там, где свивает слепой свинец.
Появляется в отдаленье
Перед сыном Чапай-отец.
Не туман миража плывущий
И не бред, рожденный жарой:
Встал в глазах командира
звонкий

Легендарный начдив-герой.
У Чапаева голос чистый:
«За Отчизну!» — И бой кипит.
Только высверки стали
ручьистой,

Только молнии из-под копыт.
— Сын, за мною! За власть
Советов! —

Это властно начдив велит.
И виденье прекрасное это
Сердце сына огнем палит.

...Отрезвляется сын от виденья,
Улыбается мираж... И опять
Громовое орудий гуденье
И, как клятва, приказ: стоять!
И опять почернело небо,
Снова немцы пошли вперед,
И казалось — числа им не было,
И погибель их не берет!

Вал за валом катит, неистов,
Гибнут роты — идут полки...
Стой, чапаевец, насмерть
и выстой

У багровой этой реки!
Стой! Отхлынули... Мутным
градом

Пот катился со лба и щек.
— Капитан, на исходе снаряды.
Чем встречать, как пойдут еще?
Было сумрачно. Смолкли пушки.
Тяжко думает командир:
«Как же вырваться из ловушки?»

И ответа не находил.
...Есть минуты, равные веку.
Есть года, что не стоят и дня,
Что плетутся серо и мелко,
Жажду подвига хороня.
Есть минуты: века спасают,
Горю стойко подставив грудь,
Дерзкий вызов судьбе бросают
И горят новой жизни путь.
...И в тот миг, когда думал
Чапаев,

И беда ему сердце жгла,
С фланга, вражьи силы сметая,
Кавалерия подошла.
Разорвав кольцо огневое,
Прочь отбросив с пути врага
Мчались конники над рекою,
Как стремительный ураган.
— Наши, наши! Пархоменко!

Наши! —
Весть катилась горячей волной.
И казался им враг не страшен,
Всталось солнце во тьме ночной.
Обнялись по-братски герон,
Их любовь и верность крепка.
И готовы к новому бою
Две родные семьи — два полка.

В тучах гари, смрада и пыли
Откатились фашисты вспять.
Но, собрав свои новые силы,
Шли в атаку опять и опять.
Снова падали ряд за рядом
От губительного огня.
Их долбили наши снаряды
И клинки хлестали, звеня.
Словно в бурю ревущее море,
Бушевал

все сметающий шквал.
Но безудержно, нагл и упорен,
Враг ломился — за валом вал.
Против стойкости — шла
жестокость,
Против смелости — зверство
шло.

Тьма лавиной ползла к востоку,
И сердца наши пеплом жгло.
Солнце скрылось. Померкло
небо.

В дыме тонет полей простор.
Вечер гибельный слепо и немо
Крылья черные распростер.
По обоям всего на брата.
Нет снарядов, и мины — все.

Глыбой грузной
Четырежды клятый
Над рекою немец насел.
Ну, простимся, Чапаев...
— Не надо.
Видишь, смотрят на нас бойцы...
Встретим смерть последней
гранатой
И умрем, как учили отцы,

Есть минуты, равные веку.
Что проходят не как-нибудь,
А сгорают высокой вехой,
Освещая неторенный путь.
Вот такие минуты решают:
Быть победе
Или не быть.
Мертвых к битве святой
воскрешают,

Чтобы право на жизнь добыть.
Вот в такую минуту, в полночь,
Озаряя грозой горизонт,
Окруженным пришли на помощь
Наши танки, прорвавшие фронт.
И как будто дорогу дали
Солнцу мрачные небеса,
И приблизились дальние дали,
Свет надежды с собой неся,
Танков яростное дыханье,
В землю давящий, тяжкий гул,
Взрывов-молний полаханье —
По зарвавшемуся врагу!
Мощь бронированного удара,
Дерзкий натиск, огня разгул,
Как возмездия грозная кара —
По мятущемуся врагу!
Это — сила героизма и стали
И веленье Отчизны самой.
И полки спасенные встали,
Окрыленные, ринулись в бой!
На броню вскочила пехота,
Птицей всадники — на коня.
И пошли, и помчались с хода,
Вражью нечисть во тьму гоня!
Били пушки, и пули пели,
Ночь кромсала клинков лучи —
Жаждой битвы бойцы кипели,
Как былинные силачи.
Так трягнули

И так турнули,
Жгучей ненависти полны, —
Круто гитлеровцы повернули,
Пятки вскидывая до спины!

Перевел с армянского
Иван Кучин.